

Густая тень укрыла пышные деревья, в ночной тишине замерла прозрачная роса.

Всё вокруг погрузилось в безмолвие, лишь высокий терем казался островком сумрака.

В усадьбе Цинло листья лотоса в пруду мерно покачивались от ночного ветра.

В покоях терема ярко горели огни.

Свитки с медицинскими трактатами, письменный стол, несколько слоев полупрозрачных занавесей, спускающихся до самого пола, придавали обстановке дымку таинственности. За резной нефритовой ширмой, в глубине, стояла кровать из белого дерева, искусно украшенная резьбой; в мягком свете ламп она казалась озарённой лунным сиянием, полог был наполовину приподнят.

Лэн Цинло лежала на боку, припав щекой к мягкой шелковой подушке, наполовину укрытая атласным одеялом. Одна её рука покоилась поверх, сжимая недочитанный свиток. Иссиня-черные волосы рассыпались по постели, словно облако, длинные ресницы были опущены — казалось, она уже спала.

В комнате разливался тонкий аромат лекарственных трав, всё дышало необычайным покоем.

Дугу Цзюэ осторожно раздвинул слои занавесей, преграждавшие ему путь. Увидев наконец ту, по которой тосковал весь день, он почувствовал, как на душе стало легче.

Взглянув на раскрытый свиток в руках Цинло, он невольно усмехнулся: опять она погрузилась в чтение, забыв о времени. Он принес ей этот сборник трав лишь для того, чтобы она могла скоротать досуг, но не ожидал, что она будет читать его до самозабвения. И не понять теперь, благом или ошибкой было дарить ей эту книгу.

Осторожно вытянув свиток из её пальцев, он бережно взял её нежную руку и спрятал под одеяло.

Несколько прядей волос упали на лицо Цинло. Дугу Цзюэ аккуратно убрал их, любуясь её дивной, нежной красотой.

В его глазах светилась нежность, а кончики пальцев, коснувшись её кожи, вызвали в сердце трепет.

Тонкие, словно крылья бабочки, ресницы слегка дрогнули в такт ровному дыханию.

Словно околдованный, Дугу Цзюэ медленно провел пальцем по её щеке — едва касаясь, боясь потревожить сон. Наконец его рука замерла у её розовых губ.

Он залюбовался этими манящими губами, обвел их контуром пальца. Сердце дрогнуло, сменив восторг на внезапную, необъяснимую тревогу.

Словно в наваждении, он подался вперед. Каков же вкус её губ?

Голос в глубине души продолжал искушать его.

Он сжал кулаки, выдавая своё крайнее волнение.

Наконец, он решился и коснулся её губ — легкий, невесомый поцелуй, словно крыло стрекозы.

Он тут же отпрянул, сердце бешено колотилось. Затаив дыхание, он наблюдал за спящей. Дыхание её оставалось ровным.

Дугу Цзюэ, грозный и безжалостный властитель судеб, наводивший ужас на весь мир, сейчас чувствовал себя нашкодившим ребенком, который ждет наказания. Увидев, что Цинло не шелохнулась, он облегченно выдохнул.

Успокоившись, он вновь вспомнил то ощущение — сладостное, как сама мечта, от которого сердце горело огнем. Ему хотелось повторить это снова.

Во второй раз он был уже не так взволнован. Придвинувшись ближе, он вновь ощутил этот аромат, поцеловав её чуть глубже и дольше.

Словно попав в зависимость, он хотел целовать её снова и снова.

Он жадно впитывал эту мягкость, не в силах оторваться, дыхание сбилось, а внутри, казалось, вот-вот прорвется нечто, что он так долго сдерживал.

Ресницы Лэн Цинло едва заметно дрогнули, словно она почувствовала неладное.

В тот самый миг, когда она открыла глаза, Дугу Цзюэ с неохотой отстранился.

Цинло встретила взглядом с его лицом.

— Цзюэ-эр... — прошептала она с полусонной, ленивой улыбкой, в которой сквозила ясность мысли.

Когда она приподнялась, этот сонный взгляд и приоткрытый ворот халата заставили дыхание Дугу Цзюэ перехватить.

— Цзюэ-эр?

Внезапно он крепко обнял её.

Один бог знает, сколько искушения было в том её взгляде, чуть не лишившем его самообладания.

— Цзюэ-эр, что случилось?

Дугу Цзюэ ослабил объятия, но не выпустил её из рук. Положив голову ей на плечо, он закрыл глаза, вдыхая её аромат, и прошептал хриплым голосом:

— Ло, я хочу сегодня спать с тобой.

Лэн Цинло слегка улыбнулась. Она-то думала, что стряслось. Погладив его по лицу, она с нежностью произнесла:

— Цзюэ-эр уже такая взрослая, а всё любишь ластиться, как ребенок.

Она приподняла край одеяла:

— Залезай скорее.

Дугу Цзюэ, как и желала, улеглась рядом с ней.

В ночной тьме слабо поблескивали её глаза. Цинло накрыла их ладонью:

— Цзюэ-эр, пора спать.

Дугу Цзюэ перехватила её руку, прижала к себе и рассмеялась:

— Хорошо.

— Цзюэ-эр... — Лэн Цинло вздрогнула.

Дугу Цзюэ обняла её за талию, прижалась головой к её груди и лукаво усмехнулась:

— Так спать удобнее.

Лэн Цинло покачала головой и тихо вздохнула:

— Цзюэ-эр, ты всё еще любишь спать так, как в детстве.

— Твое тело с самого детства такое горячее, это из-за тренировок по технике Призрака?

— Потому что твоё тело всегда прохладное, вот я и хочу, чтобы моё было горячим.

— Ну уж нет, когда наступит лето, я не хочу обнимать твоё горячее тело, — Цинло легонько ущипнула её за нос.

— К лету я стану прохладной, — серьезно ответила Дугу Цзюэ.

— Ха-ха, хорошо. Если так, то и летом будешь спать с Лю, договорились?

— М-м...

Лэн Цинло мягко похлопала её по спине, постепенно умиряя её пылкое сердце, и сама начала погружаться в сон.

— Госпожа... Семнадцатая пришла проститься.

Е Семнадцатая стояла на коленях перед покоем.

Дугу Цзюэ, лежавшая на кушетке, обитой шкурой белого тигра, не произнесла ни слова, лишь прикрыла глаза, отдыхая.

Не дождавшись ответа, Е Семнадцатая слегка прикусила губу. Зная, что ей не следует говорить лишнего, она всё же не удержалась:

— Погода нынче холодная, прошу госпожу беречь себя. Хотя вы любите выпить, чрезмерное вино вредит здоровью. Счета в усадьбе я все проверила, там нет серьезных проблем. А насчет ваших привычек во время тренировок я распорядилась Лю Пин, она будет...

Дугу Цзюэ медленно открыла глаза:

— Сегодня ты слишком много говоришь.

Е Семнадцатая почувствовала горечь на губах. Опустив голову, она покачалась:

— Семнадцатая заслуживает смерти. Прошу госпожу беречь себя.

Она поднялась. Ноги казались свинцовыми, каждый шаг давался с трудом. С каждым движением сердце сжималось от боли, глаза предательски слезились, хрупкая душа, казалось, вот-вот разорвется от страданий.

Но в следующую секунду её увядшее сердце оживило: в темноте забрезжил свет, утопающий ухватился за последнюю соломинку.

— Если сможешь удвоить доход Башни Темной Луны, искупишь свою вину.

Именно этот ленивый, чарующий голос спас её.

Е Семнадцатая протерла воспаленные глаза, радостно обернулась, сложила руки в поклоне и ответила:

— Слушаюсь...

Когда она вышла в галерею, на ветвях дерева она увидела незваного гостя.

— Подумать только, только что здесь были грозовые тучи, а теперь — ясное небо. Я уж думала, у хозяйки Башни Темной Луны не бывает других выражений лица. Не ожидала, что она может быть такой же эмоциональной, как любая другая женщина, — Ле Янь сидела на ветке, став свидетельницей всей сцены.

Е Семнадцатая проигнорировала её и пошла дальше.

Ле Янь спрыгнула с дерева:

— Мне любопытно, как ты собираешься удвоить доход? Планируешь убивать без сна и отдыха?

— Не твоё дело, — холодно бросила Е Семнадцатая.

Ле Янь осталась ни с чем. Глядя на удаляющуюся спину Семнадцатой, она пробормотала себе под нос:

— Всё настолько очевидно, даже я вижу, не говоря уже о ней самой. Эх... те, кто влюбляются в неё, обречены лететь на огонь и остаться ни с чем.

<http://bllate.org/book/19784/1949668>